

однако, он взять не смог. Дмитрий Иванович с успехом выдержал восьмидневную осаду, а тем временем Ольгерд узнал, что двоюродный брат великого князя Владимир Андреевич собирает против него рать в Перемышле, что на помощь к Владимиру Андреевичу пришли князья Владимир Пронский и Олег Рязанский, над которыми тоже постоянно висела литовская опасность. Рогожский летописец сообщает, что митрополит Алексей в то время был в Нижнем-Новгороде, тоже, очевидно, собирая силы, «И то слышав Олгерд и убоясь и начят мира просити».¹ Ольгерд запросил «вечного мира», но Дмитрий Иванович согласился только на перемирие. Так безуспешно закончился и второй поход Ольгерда на Москву.

Лишившись литовской помощи, Михаил тоже должен был заключить мир с Дмитрием Ивановичем, однако весной 1371 года он уехал в Орду, откуда в сопровождении татарского посла Сарыхожи вернулся с ярлыком на великое княжение. Здесь на сцену выступает новая внушительная политическая сила, вмешательство которой оказало решающее влияние на ход событий. Это городское население великого княжества Владимирского, решительно отказывавшееся видеть Михаила Александровича великим князем.² Дмитрий Иванович «по всем градом» «привел к целованию» бояр и черных людей, обязавшихся не пускать Михаила Александровича «на княжение Володимирское»; не приняли его и владимирцы, и Михаил Александрович «отступи».³ Татарский посол Сарыхожа вынужден был послать своих представителей и одного тверского боярина звать Дмитрия Ивановича за ярлыком во Владимир, но Дмитрий решительно и с достоинством ответил: «К ярлыку не еду, а на великое княжение не пушу, а тебе, послу цареву, потчесь»⁴ (т. е. «путь чист»). Сарыхожа оставил ярлык Михаилу Александровичу, а сам поехал в Москву, где его обласкали и богато одарили. Летом того же года Дмитрий Иванович сам поехал в Орду «и подав сребра много от великого княжения; окааннии же измалтяне, за безаконие на[ше] ввергоша меч в Рускую землю и почестили князя Дмитрея, дав княжение великое ему, а князю великому Михаилу приказали: „дали бы есми тебе княжение великое, и рать есми тебе дав, и ты не захотел, и реклься есть сести своею силою; и ты сяди с кымь ти любо“».⁵

Так излагает события тверская летопись, пытаясь вину за кровопролитие свалить на татар, которые передают ярлык то одному, то другому князю, а потом ярлык отнимают, да еще издеваются и тем самым «ввергают меч» в Русскую землю. Для политических и общественных отношений Руси во второй половине XIV века, когда твердо наметился центр объединяющего государства и к нему были обращены симпатии передового населения, мотивировка тверского летописца, правильная для конца XIII—начала XIV века, теперь уже устарела.

Совсем иначе освещает дело Симеоновская летопись. По ее сообщению, великий князь Дмитрий Иванович «паче сам изволи пойти в Орду за свою отчину, нежели ступитися княжения великого».⁶ В этих словах заключается целая программа. Наблюдавшееся еще во времена Ивана Калиты стремление закрепить за Москвой великое княжение Владимир-

¹ Рогожский летописец, стлб. 94.

² Подробнее об этом см.: И. У. Будовниц. Поддержка объединительных усилий Москвы населением русских городов. Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952, стр. 117—122.

³ ПСРЛ, XI, стр. 15.

⁴ ПСРЛ, XV, стлб. 430.

⁵ Там же.

⁶ ПСРЛ, XVIII, стр. 110. Разрядка моя, — И. Б.